

Kharuzin, M. N.

Михайлъ Харузинъ.

МАЛКОВСКАЯ

№ 150.

БИБЛИОТЕКА.

„БАЛТІЙСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.“

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРКЪ.

МОСКВА.

Типографія А. А. Левенсонъ. Петровка, Размановскій переулокъ, особня. домъ

1888.

ЛДХ

JN6599
B3K5

С.А.А.А.

Дозволено цензурою. Ревель, 20 февраля, 1888 года.

„Ces bons Allemands, toujours si fidèles et toujours méconnus!.. Ils ont le *bon droit* pour eux: они стоятъ на почвѣ легальности“.

Мнѣніе нѣкоторыхъ столичныхъ сферъ.

„При непорядкахъ родились и воспитаны, а потому и не желаете подчиниться порядку“.

Густавъ Адольфъ балтійскимъ депутатамъ въ 1629 году.

„Они обрекли себя на неблагодарную борьбу съ исторіей, на вѣчное противорѣчіе съ дѣйствительностью“.

Ю. Самаринъ.

Къ самымъ жгучимъ вопросамъ нашей современной русской жизни принадлежитъ т. н. „вопросъ балтійскій“. Правительство, въ теченіи двухъ безъ малаго вѣковъ покровительствовавшее господству приплагаго нѣмецкаго меньшинства въ трехъ побережныхъ нашихъ губерніяхъ—Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, за послѣднее время нашло необходимымъ рѣзко измѣнить это направленіе и разными мѣрами содѣйствовать къ *установленію* въ этомъ краѣ *равновѣсія* *всѣхъ общественныхъ и національных элементовъ* населенія этой окраины. Съ этою цѣлью нынѣ принимается рядъ реформъ въ области отправления правосудія, въ области самоуправленія, школы

и церкви. Такъ напр., предполагается замѣна новыми судами мѣстныхъ судилищъ, средневѣковый характеръ коихъ пересталъ соотвѣтствовать потребностямъ современныхъ намъ бытовыхъ условій. Отмѣной дворянскаго полицейскаго управленія предполагается устранить учрежденія, которыя въ состояніи парализовать мѣропріятія центральнаго правительства, дѣйствуя въ интересахъ своекорыстныхъ одного лишь господствующаго въ краѣ класса — дворянскаго нѣмецкой національности; реформа крестьянская имѣла бы цѣлью упорядочить взаимныя поземельныя отношенія мѣстнаго крестьянства и дворянства, создать положеніе наиболѣе обезпечивающее устойчивость въ положеніи крестьянъ, и тѣмъ хотя отчасти поправить ту роковую ошибку, въ которую правительство впало при рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ этомъ краѣ во время освобожденія здѣсь крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1819 и въ 1856 годахъ, довѣрившись всецѣло высшему сословію землевладѣльцевъ. Школьной реформой предполагается положить конецъ нецѣлесообразному господству языка пришлаго сюда изъ-за моря нѣмецкаго *меньшинства* — языка, къ изученію коего до сихъ поръ были принуждаемы всѣ жители этой области, не исключая и коренныхъ русскихъ лю-

дей (напр., чтобы быть гласнымъ въ думѣ, Русскій фактически обязанъ знать нѣмецкій языкъ)—и тѣмъ предупредить все болѣе и болѣе распространяющееся насильственное онѣмеченіе области, успѣхъ коего, разумѣется, не можетъ считать желательнымъ правительство государства не нѣмецкаго.—Наконецъ, мѣропріятіями въ области церковной имѣется въ виду, съ одной стороны, прекратить пользова- ніе протестантствомъ какъ орудіемъ политическимъ (въ цѣляхъ духовнаго и національнаго отчужденія края отъ прочей Россіи), а съ другой—даровать православію въ этомъ краѣ то положеніе, которое принадлежитъ ему на основаніи нашихъ законовъ, и тѣмъ пойти на встрѣчу замѣчаемому среди Эстонской и Латышской части населенія склонности къ православной церкви.

Начинанія эти встрѣтили дружный отпоръ въ средѣ нѣмецкой части прибалтійскаго населенія. Не щадя ни силъ ни средствъ на сопротивленіе правительственнымъ мѣропріятіямъ внутри своего края (наша печать за послѣдніе года сообщала и продолжаетъ сообщать въ изобиліи факты, сюда относящіеся) — балто-нѣмецкіе политики и дѣльцы перенесли борьбу за рубежи нашего государства и наводнили европейскіе журналы и книжные рынки

статьями и трактатами, посвященными этому „вопросу“. Въ нихъ Европа и въ частности Германія призываются на помощь погибающей подъ натисками славянскаго „варварства“ цѣлой стародавней и высокой культуры; въ нихъ изображаются все тѣ опасности, которыя испытываетъ и переноситъ эта „нѣмецкая страна“, въ нихъ жалуются на насильное оруженіе края, въ нихъ возвѣщается даже о происходящемъ-де здѣсь гоненіи на христіанъ (Christenverfolgung) со стороны „Московского правительства, ведомаго православнымъ фанатизмомъ русской печати и т. д., и т. д.“

Все подобныя старанія нынѣ, повидимому, не всегда достигаютъ своей цѣли, и мы намѣрены опровергать не ихъ. — Дѣло въ томъ, что съ одной стороны, если бы нѣмцы Германской Имперіи вздумали громко осуждать нашу политику въ прибалтійскомъ краѣ, то они стали бы въ противорѣчіе съ самими собою, осудивъ тѣмъ самымъ самихъ себя за предпринимаемыя ими въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ мѣры (поистинѣ крутыя, съ коими наши дѣйствія въ балтійскомъ краѣ и сравнивать даже нельзя) противъ Поляковъ восточныхъ областей Германіи. — Съ другой стороны, Европейцы серьезные знаютъ нынѣ внутреннія дѣла Россіи ближе и потому не легко въ-

рять газетнымъ воплямъ, полнымъ преувеличиванія, инсинуаціи и обмана. Такъ напр., извѣстный англійскій государственный чловѣкъ Сиръ Чарльсъ Дилькъ въ своемъ послѣднемъ политическомъ трактатѣ „Europe en 1887“ (Paris Mais Quantin) отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: много говорится о *нѣмецкой* части Россіи—о прибалтійскихъ ея губерніяхъ; но это такъ же отсталый взглядъ въ числѣ многихъ. Никогда ничего въ прибалтійскомъ краѣ нѣмецкаго не было, кромѣ только аристократическаго и коммерческаго слоевъ общества; деревенскій же народъ (составляющій большинство подавляющее) принадлежитъ къ народности эстонской и латышской, и смотреть на русскихъ какъ на освободителей своихъ отъ своеволія помѣщиковъ и отъ насильственного употребленія языка нѣмецкаго (I. с. р. 126).

Но вотъ подходятъ къ «вопросу» съ иной стороны: освѣщаютъ его съ точки зрѣнія юридической; ставятъ современный балтійскій судебно-административный строй на почву священнаго права, добытаго себѣ мѣстными провинціальными чинами, права—нынѣ «вѣроломно» нарушаемаго. Балтійскія провинціи Россіи, надѣленные-де особымъ конституціоннымъ устройствомъ, основанномъ на торжественномъ *дого-*

вотъ— «двухъ равныхъ между собою сторонъ» — балтійскихъ провинціальныхъ чиновъ и Царя Русскаго Петра I, скрѣпленномъ торжественными обѣщаніями Его преемниковъ и освященномъ трактатами международными «на вѣчныя времена». Эта-то «балтійская конституція» нынѣ де безпощадно ломается, и мѣсто «порядка правоваго», заступаетъ «разнузданный произволъ». Болѣе крайніе голоса, исходя изъ положенія, что вѣроломное нарушеніе обязательства одной стороною освобождаетъ отъ соблюденія его и другой — приходитъ къ прямому выводу, что въ данномъ случаѣ прямымъ слѣдствіемъ дѣйствій нашего правительства въ этомъ краѣ должна быть свобода жителей его отъ вѣрноподданнической присяги «Герцогу Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому, корона коего въ данное время соединяется съ особой Императора Всероссійскаго.»—

Всѣ эти положенія стараются доказать по всѣмъ правиламъ науки о правѣ.

Прибѣгаютъ же къ этому приему для защиты исконнаго порядка вещей въ прибалтійскомъ краѣ потому, что хорошо знаютъ, какъ чутокъ слухъ европейца къ аргументамъ подобнаго рода, что собственная его, европейца, многовѣковая исторія, преисполненная борьбы изъ

за правъ, научила его дорожить каждымъ клочкомъ пергамента, каждой буквой начертанныхъ на немъ нормъ для взаимныхъ отношеній власти и подчиненныхъ ей, научила придавать огромное значеніе и цѣну *формальной* именно сторонѣ всякихъ хартій, гарантирующихъ его права, значеніе, передъ которыми нерѣдко въ его глазахъ на задній планъ отступаетъ даже ихъ правда *внутренняя*.

Однако, этотъ пріемъ, рассчитанный на Европу (въ смыслѣ культурно-историческомъ, а не географическомъ), приводитъ и у насъ дома въ смущеніе нѣкоторыхъ легковѣрныхъ и мало освѣдомленныхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣла.

Но въ то же время рядомъ съ лжелиберальными сѣтованіями и негодованіями о судьбѣ культурныхъ областей извѣстной части нашего общества, мы видимъ вдохновенныхъ сторонниковъ той политики, которой за послѣднее время стало придерживаться и правительство, притомъ такихъ сторонниковъ, коихъ имена мы привыкли произносить съ почтеніемъ, какъ то: имя Михаила Погодина, Юрія Самарина, Ивана Аксакова и другихъ.

Итакъ, въ чемъ-же дѣло?

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ самомъ началѣ прошлаго вѣка, Петръ I, воюя со Швеціей, двинулъ свои войска въ тогдашнія шведскія области, лежавшія по сю сторону моря Балтійскаго. Необходимо было для Россіи возвращеніе этихъ исконныхъ русскихъ земель, которыя, послѣ того какъ, съ разрѣшенія Полоцкаго князя Владиміра, въ XII столѣтіи, былъ допущенъ сюда первый заморскій населенникъ—нѣмецкій монахъ Мейнгартъ съ товарищами, — отошли отъ нашего государства,—въ то время разореннаго и ослабленнаго врагами иноземными и внутренней неурядицей,—къ правительствамъ иноземнымъ.

Много было пролито здѣсь въ теченіи столѣтій крови русской съ цѣлью возвратить эти необходимыя намъ области; многократныя попытки съ тою же цѣлью дѣлались царями Московскими тщетно вплоть до Петра. Но и Петръ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, вынужденъ былъ вначалѣ отказаться отъ столѣтіями излюбленной мысли этой, и общался дать побережье своему союзнику, польскому королю Августу.

Тѣмъ не менѣе, войска Петровы успѣшно дѣйствовали здѣсь противъ общаго противника. Желая скорѣе склонить населеніе провинцій на свою сторону, Государь повелѣлъ распространять прокламаціи,—т. н. «универ-

салы“, въ коихъ давалъ обѣщаніе, что взамѣнъ подчиненію ихъ, будетъ имъ дозволено безпрепятственное отправленіе богослуженія по обрядамъ церкви лютеранской, и останутся неприкосновенными мѣстныя права и привиллегіи, причемъ отмѣнялъ фактъ нарушенія послѣднихъ шведскимъ правительствомъ (редукція и пр.), нарушеніе, вызывавшее въ то время общее раздраженіе.

Къ подобнымъ же мѣрамъ прибѣгалъ и противникъ Петровъ Карлъ XII при своемъ движеніи во внутрь Россіи: онъ также распространялъ прокламаціи, въ которыхъ обѣщаль сохранить неприкосновеннымъ православіе и освободить отъ злоупотребленій воеводъ русское населеніе взамѣнъ подчиненія своей власти. Но отвѣтомъ на предложенія Петровы было упорное сопротивленіе балтійцевъ его войскамъ, освобождавшее Царя отъ исполненія его обѣщанія. Правда, Царь поступилъ иначе: взявъ силою то, что ему не хотѣли уступить добровольно, онъ все-таки заявилъ великодушно, что исполнить то, что обѣщаль. Но самый фактъ сопротивленія балтійцевъ дѣлаетъ невозможнымъ считать „универсалы“ источникомъ балтійскихъ правъ, такъ какъ условіе, подъ которымъ они имѣли бы свою силу, не наступило.

4 іюля 1710 года сдается Петру Рига послѣ продолжительной осады, сильно пострадавшая отъ русской артиллеріи, ощущая недостатокъ въ продовольствіи *) и опустошаемая свирѣпой чумой. 14 августа сдается Перновъ послѣ трехнедѣльной осады, мучимый голодомъ **) и чумой. 20 сентября сдается Ревель, уstraшенный ***) судьбой Риги и Пернова. При капитуляціи всѣхъ этихъ городовъ Шведскіе военные начальники, оставляя поле за побѣдителями, выговорили для уступаемыхъ провинцій оставленіе неприкосновенными церкви лютеранской и исконныхъ провинціальныхъ правъ и привилегій въ судѣ и управленіи. Къ договорамъ шведовъ съ русскими присоединялись *просьбы* шляхетства и земства городовъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ объ оставленіи имъ стародавняго мѣстнаго строя. Условія шведскихъ военныхъ начальниковъ и просьбы провинціальныхъ чиновъ не расходились съ интересами побѣдителя: не по характеру его было угнетать чужое ему вѣроисповѣданіе какъ таковое, не въ цѣляхъ его было ломать вѣками сложившійся мѣстный судебный, административ-

*) Bicher, Geschichte Der Ostseeprovinzen.

**) Ibid.

***) Ibid.

ный строй, измѣнять его Московскими порядками, коихъ ярымъ противникомъ являлся онъ же самый, не въ его намѣреніяхъ было породить раздраженіе и недовольство замѣной стараго новымъ въ областяхъ, столь дорогой цѣной ему доставшихся, обладаніе коими далеко еще не было обезпечено;—и онъ согласился на большинство изъ просьбъ прибалтійцевъ.

Слабость союзника въ скорѣ позволила Петру рѣшиться окончательно присоединить къ своей державѣ завоеванную область. И депутаты отъ княжества Лифляндскаго и отъ города Риги явились къ Петру снова съ просьбой утвердить за ними старинныя привилегіи. Государь отклонить эти просьбы, по словамъ грамоты, „не пожелалъ“, и утвердилъ и на сей разъ стародавнія провинціальныя права двумя жалованными грамотами въ надеждѣ—какъ это онъ самъ заявилъ безъ обиняковъ въ этихъ актахъ—что эта милость его будетъ содѣйствовать наикрѣпчайшему сближенію новопріобрѣтенныхъ провинцій съ остальною державою его. Столь же благосклонно приняты были такія же *просьбы*, поданныя въ 1712 г. депутатами отъ шляхетства и земства Эстляндскаго княжества и отъ города Ревеля: имъ также дарованы двѣ жалованныя грамоты.

Съ тѣхъ поръ при каждой перемѣнѣ царство-

ванія отъ прибалтійскихъ сословій посылали къ Государямъ депутатовъ съ просьбами объ подтвержденіи ихъ прибалтійскихъ правъ и привилегій. И каждый разъ возвращались они на свое поморье надѣленные новыми жалованными грамотами. Такъ велось вплоть до 1856 г., когда въ послѣдній разъ были подтверждены мѣстныя прибалтійскія права.

Итакъ, неоспоримымъ и неопровержимымъ пока является только фактъ существованія особыхъ хартій, даровавшихъ прибалтійскимъ губерніямъ государства русскаго особаго отъ прочихъ частей Имперіи порядка самоуправленія и суда. Посмотримъ, каковъ характеръ который носятъ эти хартіи.

Намъ говорятъ, что хартіями этими русскій Государь разъ навсегда ограничилъ свою самодержавную волю по отношенію къ прибалтійскому краю, а сами хартіи суть-де ничто иное какъ контракты, свободно заключенные между провинціальными сословіями съ одной стороны и русскими царями съ другой. Въ силу договоровъ этихъ жители края поступили-де подъ защиту русскаго царя, а Государь оставилъ де за это имъ стародавнія ихъ права и мѣстныя распоряжки. Разъ-де договоръ